

The poster depicts a dramatic scene set within the dark, gothic interior of a cathedral. In the foreground, an elderly man with a white beard, wearing a purple robe, is shown in a dynamic, forward-leaning pose. He holds a glowing, ethereal orb in his right hand and points his left index finger towards the viewer. Behind him, a young man in a golden tunic looks on intently. To the left, a man in a dark, hooded cloak is seen from behind, walking up a set of stone stairs. Further up the stairs, another figure is visible. The background is filled with the massive, dark stone columns and arches of the cathedral, creating a sense of depth and mystery. The lighting is dramatic, with warm highlights on the characters and deep shadows in the architecture.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Генри Лайон Олди

Страх

Серия «Бездна Голодных глаз», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144887

*Бездна Голодных глаз. Том 2. Живущий в последний раз: Эксмо; Москва;
2009*

ISBN 978-5-699-32700-3

Аннотация

Странный средневековый восточный город, которого нет ни на одной карте. Все прекрасно, только слишком часто на лицах умирающих людей стала застывать маска ужаса. Хороший правитель должен знать, что заставляет его лучших воинов испытывать такой невообразимый страх. А кто может лучше разобраться в причинах смерти, как не лекарь Джакопо Генуэзец? И он нашел, и ему открылась страшная тайна. Но как победить того, кто питается живущим в нас страхом? Ведь как только мы начинаем думать и чувствовать, мы тут же начинаем бояться.

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

I. Выжженный взгляд	4
1	9
2	20
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Генри Лайон Олди

Страх

Ночь проходит без сна.

*Перед мысленным взором
всплывают*

Те глаза мертвеца,

Что меня поразили недавно.

В круглом зеркале у постели...

Нагацука Такаси

I. Выжженный взгляд

Орнамент

Аайя-алаль-фаллах иль алла-акбар! Да, это я, о мудрейший кади нашего благословенного Города, я, висак-баши у стремени великого эмира – прозванный людьми Алямафрузом, что значит «Украшение мира», и преданный...

Что? Увы, увы, о волос бороды пророка – каков мир, таково и украшение. Иблис, Иблис метет хвостом улицы и базары, Иблис смущает умы правоверных, и горько рыдают полногрудые гурии в садах Аллаха, видя прекрасные зрелые мужские души, идущие мимо красавиц напрямиком в ад, – а

что взять тоскующей гурии с высохшей хилой души праведного седовласого шейха?!

О нет, нет, узел чалмы мира, я не для того отвязал джейрана своего красноречия, чтобы охотиться в рощах намеков, я лишь хочу объяснить, что привело меня, висак-баши зеленого знамени сунны, в квартал Ан-Рейхани к дому горшечника Нияза, обнесенному забором – вай, таким высоким забором, таким гладким забором, что лишь пери перелетит через него... а зачем пери нужны глаза Зейнаб, дочери Нияза, подобные ширазскому топазу, губы дочери Нияза, подобные бутонам дикой розы, плечи дочери Нияза, подобные... – и кто найдет, чему подобны плечи и иные достоинства красавицы Зейнаб?!

Вот и я говорю, досточтимый кади, что не нужны крылатой пери, порождению ифритов горы Каф, ни уста, ни плечи, ни прочие составные части красавицы Зейнаб, зато они очень нужны стоящему перед вами Алямафрузу; а горшечнику Ниязу именно поэтому нужен высокий забор, и необходим старому лысому Ниязу, да воссядет шайтан на его лысину, необходим свирепый зверь франкской породы Муас-Тифф, очень дурно воспитанный кяфирами и очень не любящий бедного висак-баши у стремени...

Хорошо, хорошо, о ходячее блюдо райского плова, я не буду утомлять иссушенные постом мозги великого кади своей болтовней, а сразу скажу – да, это я довел джинноподобного слюнявого Муас-Тиффа до прыжка, достойного горно-

го архара, в результате которого проклятая собака и оказалась на улице, перед несколькими безымянными правоверными и случайными гяурами, как то: лекарь Джакопо Генуэзец из квартала Ас-Самак, излечивший меня некогда от некоторой болезни, о какой не принято упоминать в почтенном собрании, а также священник фра Лоренцо из секты пророка Иссы, и небольшое количество особ женского пола, не покрывших чадрой нечестивые, но прелестные личики.

Я уж было совсем собрался опустить на визжащих служительниц такого приятного порока плащ своей храбрости, но лохматый дикий гуль, уже вцепившийся слоновьими клыками в зуннар фра Лоренцо, неожиданно завизжал ударенным щенком и повалился на спину, захлебываясь кровавой пеной без видимой на то причины. Я полагаю, пророк Исса все-таки имеет немалый вес перед Аллахом, ибо отпустивший старика Муас-Тифф недолго бился в конвульсиях, уйдя с прощальным воем в ад – а худшего места трудно и представить, даже в опьянении, запрещенном истинному мусульманину, но совсем слабо запрещенном, если быть справедливым...

О сандалия халифа Али – причем правая сандалия! – я клянусь, что квартал Ан-Рейхани мгновенно наполнился топотом бегущих ног, а впереди всех неся, расправив плечи возраста, внезапно помолодевший фра Лоренцо, и я еще подумал, что если старый гяур при виде Разрушительницы дворцов и Разлучительницы собраний преисполнился силами цветущей юности, то сколь доблестны стали бы дряхлые

последователи истинной веры и лично мудрый кади нашего славного Города, если выпускать на них хотя бы раз в месяц любимых эмирских барсов с гор Тау-Кешт...

Да, о уста ангелов седьмого неба, я уже засунул язык своей дерзости в шаровары своей скромности, и если что и привлекло в тот день мое недостойное внимание, так это заявление Джакопо Генуэзца о неестественно расширенных зрачках ушедшей в небытие собаки, в стекле которых ясно читался невыносимый ужас – но какое дело висак-баши у стремени повелителя до страха в налитых злобой глазах дохлого франкского пса, когда из-за дувала мне уже улыбались звезды под покрывалом сумерек, дивные глазки красавицы Зейнаб, обещавшие влюбленному Алямафрузу все, что только может пообещать женщина – а пообещать женщина может многое, если захочет выполнить обещанное – ибо сказано в Коране: «Женщина вам пашня, пашите ее как угодно...»

Возможно, все было именно так. Или иначе. К примеру, в беседе веселого влюбленного Алямафруза с городским кади вполне могло оказаться больше или меньше причудливых пряностей Востока. Возможно... Но когда через многие годы Якобу Генуэзо снилась Книга и непредсказуемость сна распахивала ее как раз на этой странице – Якоб вновь вглядывался в небрежный летящий почерк, вновь слышал иронию легкомысленного висак-баши, опять и опять замечал раздражение в строгом судейском голосе... и кому какое дело, так

оно было или не так?!

Во всяком случае, как только сомнения закрадывались в душу лекаря и память его начинала заново складывать из стекляшек свершившегося мозаику судьбы – зыбкий сон стремительно истекал мерцающими струйками, Книга Небытия скрывалась в тумане пробуждения, и последними исчезали неровные строки в правом нижнем углу сегодняшней страницы...

Разное думаем мы, забывая, что жизнь в этом мире есть всего лишь жизнь в этом мире...

1

*...Город имбирных башен,
Мускуса и печали,
В тоске о морской прохладе,
Ты спишь, разметав по камню
Не знавшие гребня пряди...*

Федерико Гарсиа Лорка

Якоб Генуэзо вышел на порог своего дома и полной грудью вдохнул прохладный утренний воздух, несущий слабый запах моря, соли, смолы пеньковых канатов и серебра бьющейся рыбы. Значит, сегодня можно будет выйти к морю...

Это удавалось далеко не всегда. Собственно, как и многое другое в этом Городе. Иногда можно было битый час блуждать по знакомым и незнакомым переулкам, бежать на возникший совсем рядом плеск воды – но почему-то так и не выбраться на набережную. А в иные дни свернешь за угол – и вот оно, море, лижет древнюю кладку парапета, а у мола уже швартуются два-три чужеземных корабля, и бородатые капитаны удивленно протирают глаза при виде тонущего в рассветном тумане Города, не отмеченного ни на одной карте.

Впрочем, на картах многое не было отмечено, зато они изобиловали изображениями нагих сирен, кракенов и морских змеев, значительно менее приятных, чем незнакомый

город; и капитаны, воззвав к Аллаху, или перекрестившись, или выругавшись в тот же адрес, сходили на берег – а к кораблю уже спешили местные перекупщики, матросы разбредались по окрестным кабакам, тиская женщин и ввязываясь во все возможные и невозможные драки; и к вечеру Город воспринимался всеми как нечто само собой разумеющееся...

...Якоб немного постоял в дверях, прислушиваясь к сонному дыханию жены, и направился к морю.

Чутье не подвело лекаря. Сразу же за поворотом перед ним раскинулся безбрежный синий бархат, вышитый золотом восходящего солнца. Два корабля застыли у пристани. Один из них, испанский галион, торчал здесь уже десятый день и все не мог уплыть по никому не известной – и в первую очередь неизвестной щеголеватому горбоносому капитану – причине. Второй подошел совсем недавно, и коренастый седой норвежец ожесточенно щипал квадратную бороду, глядя на пристань с хорошо знакомым Якобу выражением.

Якоб помахал ему рукой и задумался о себе. Вряд ли юному ученику генуэзского полкового лекаря привелось бы попасть сюда, и уж, конечно, не о Городе думал Якоб, когда его учителю предложили занять положенное место в армейском обозе.

– Я уже стар, – сказал учитель. – Но я воспитал ученика. Вот он.

И юный Якоб зашагал в арьергарде панцирного полка знаменитых генуэзских арбалетчиков. Гордость сияла в его глазах, и котомка с харчами и нехитрым инструментом увесисто хлопала по оттопыренному заду.

– Эй, стрелок! – смеялись спутники. – Подбери фундамент, на него еще кол не срезан!

Якоб не обижался. И гудела земля.

Обрыв.

Кровь. Кровь, грязь и пот. И отрезанные руки, и вспоротые животы, и романтика кровавого поноса от солдатского случайного рациона. Раны, зашитые сапожной иглой. Травы, собранные на обочине.

Сотник, которому Якоб спас обожженные пальцы, научил его стрелять. И к тяжести котомки добавилась тяжесть цагры – боевого арбалета панцирной пехоты. Его Якоб взял у убитого.

Обрыв.

Выпученные белки османского всадника, зависшего над Якобом. Ночной внезапный налет и странный меч с двумя клинками, параллельно растущими из широкой рукоятки. Меч для боя в темноте, когда нечетко видна голова врага. Меч сломался.

– Айя-ильлаа! – И быкоголовая булава рухнула сверху. Чугунный бык грустно глядел на лежащего юношу. Быку хотелось в стойло.

И гудела земля.

Обрыв.

– Хэй, торгош, сколько просишь за эту дохлятину?!

– За этого богатыря? Двести дирхемов, уважаемый!

– Сними чалму, полей лысину! За такое состояние я куплю себе белую наложницу!

– Купи и его в придачу! Пока ты будешь заниматься наложницей, он займется твоей женой!

Драка. Мутная, бессмысленная базарная драка.

– Купи, капитан!.. Клянусь Каабой, галеры будут для него лучше райских садов! Купи...

Качались сходни. И качалось море.

– Харр! – рычала горилла на палубной надстройке, мерно ударяя колотушкой в малый медный гонг.

– Йаа-ах! – стонали полуголые гребцы, ободранной грудью наваливаясь на выскальзывающий рычаг весла.

И качалось море.

Обрыв.

Стонал капитан, изрезанный в плавильне портовой попойки. Жесткая ладонь ударила в затылок, и Якоб упал на колени у койки раненого.

– Лечи!

И он лечил. И качалось море. Больше его не приковывали к веслу.

Обрыв. Темнота.

Шторм. Табуны ржущих волн метались по вздувшимся водяным пастбищам, и озверевшее небо нависало над орехо-

вой скорлупкой, подхваченной тысячами брызжащих смертей.

– Харр! – и палуба выгибалась спиной взбесившегося леопарда.

– Йаа-аах! – и весла лопались, не выдержав напора каменной воды.

И качалось море.

И кончалась жизнь.

Песок. Песок берега, любопытные крабы и вода в содрогающихся легких. И невесомые, невероятные контуры башен Города, встающего за грядой бурых холмов.

Человек встал, покачнулся и сделал шаг. Потом второй.

И Город пошел навстречу человеку.

...Якоб долго стоял на набережной, потом повернулся и медленно двинулся обратно. Через несколько минут он, неожиданно для себя, оказался на базарной площади, где, по уверению старожилов, сходились все улицы и переулки этого неправильного Города – хотя изредка, собравшись именно на базар, лекарь с трудом находил ее...

Пройдя площадь, он насилу отвязался от вечно пьяного рыночного сапожника Марцелла, долго втолковывавшего Якобу о преимуществах коронного удара римских легионеров – снизу вверх, коротким мечом, в подшлемный ремень – перед колющим ударом длинномерным македонским копьем-сариссой. Периодически в пьяной болтовне сапожника проскальзывали такие подробности чуть ли не тысячелетней

давности, что Якоба невольно начинал мучить вопрос: откуда всклокоченный опухший Марцелл мог все это знать?!

Переулок закончился тупиком. Здесь никогда нельзя было быть уверенным, что идешь, куда надо. Здесь вообще ни в чем нельзя было быть уверенным. Даже в том, что тебе удастся уйти из Города – и не только потому, что за южными воротами почти сразу же начиналась пустыня, откуда регулярно налетали орды лохматых непонятных кочевников, расшибавшиеся о мощь крепостных стен; и не только потому, что с запада лежали горы, где, по слухам, водились великаны и колдуны, а на самом деле водились хмурые неприветливые горцы, без особого радушия относившиеся к горожанам. Нередко посланные на чье-то усмирение войска вообще не возвращались (война есть война!) или возвращались, но с совершенно другой стороны, усмирив, как выяснилось, множество никому не известных племен и позаимствовав у них кучу никем не виданных трофеев. Трофеи поступали в казну, жалованье пропивалось выжившими, и все входило в прежнее русло.

Корабли тоже уплывали не всегда благополучно – что совершенно не печалило матросов, привыкших к удачной торговле, крепкому вину и умеренным ценам; и когда корабли все же уплывали, многие из команды оставались на берегу – и население Города пополнялось гордыми франками, педантичными бриттами, суровыми норманнами, светлородыми россами и вспльчивыми нумидийскими неграми – все-

ми, кому Город приходился по душе.

Как и Якобу...

Свернув в очередной переулок, совсем отчаявшийся лекарь неожиданно очутился перед собственной дверью. Некоторое время он ошалело взирал на нее, успокаивая дыхание и слушая кухонную возню проснувшийся жены. Жена ждала ребенка, и Якоб не хотел зря волновать ее.

«Город... – думал Якоб, – не бывает таких городов... Хотя я в нем живу. Значит, и меня не бывает. Меня не бывает, и я очень хочу есть...»

Он улыбнулся и толкнул дверь.

Возможно, Якоб был прав. Возможно, такого города никогда и не было...

Орнамент

Высоко вознесла деревянные столбы свои над мелкорослыми кустами и редкими деревьями окраины Башня Молчания. Именно к ней, к закопченному массиву опор ее и крался, проклиная хлещущие колючие ветки, почтенный кладбищенский вор Шируйе Неудачник.

О Аллах, ну что за нелепый народ эти огнепоклонники!..

Порядочный усопший должен лежать в порядочной земле, присыпанный нерадивыми пьяными могильщиками лишь для успокоения родни – и для удобства столь тяжелой работы его, рыжебородого Шируйе, для снятия с ушедшего лиш-

ней тяжести, совершенно не нужной и даже обременительной там, где всемогущий Господь ставит всех на казенное довольствие.

А эти, чтоб огонь прижег их помятые седалища!.. Вот и лезь теперь на эдакое чудище, где нечистый покойник обязан ублагодворять, согласно обычаю, пустые желудки стервятников. А он, Шируйе, отнюдь не молод, чтобы отрываться от привычной грешной поверхности. И страшно, однако, – нет, мертвых он давно уже перестал воспринимать иначе, чем как объект работы; но одно дело – солидный умерший мусульманин, и совсем другое – нечестивый маг-зороастриец, вокруг которого демонов как мух возле падали...

Хорошо хоть догадались, свечку оставили или что там у них вверху горит – не могут парсы без огня, но опять же, к примеру, есть огонь дурной, это на площади по жару, а есть вполне нужный, свечечка вот такая, чтоб видна была скрипучая лесенка, и перила, и все как положено...

В небольшой плошке с маслом плавал крученный фитиль, и испуганный огонек оглядывался по сторонам, высвечивая узкую пятиугольную площадку, каменные грубые статуэтки по углам, приземистые коренастые силуэты забытых богов и вздувшуюся сидящую фигуру умершего, завернутую в белый шелковый лоскут. Покойный парс бессмысленно глядел на задумчивого Шируйе, скребущего свою клочковатую бороденку, словно намеревающегося выскрести оттуда нечто, годящееся в добычу, – и вычесал-таки, выскреб, и нагнул-

ся к сидящему, ловко отрезая пухлый безымянный палец, на котором надето было неширокое кольцо, надето камнем вовнутрь.

Ненужный кусок плоти полетел вниз, в попятившуюся любопытную темноту, и вор подошел к ограждению, разглядывая снятый перстень. Вишнево-красный камень в золотой оправе мгновенно налился светом фитиля, и вырезанный на нем глаз, – похожий скорее на скалящийся рот, с зубами ресниц и вспухшим языком зрачка, – глаз весело подмигнул остолбеневшему Шируйе. Пламя лампадки задрожало и погасло, словно впитанное багровым камнем, и лишь он продолжал светиться в окружающей тьме; и в свете перстня померещились Шируйе смутные человеческие очертания у опор Башни Молчания. Вор взгляделся в шелестящий кустарник, и только хлопанье крыльев за спиной вынудило его снова обернуться к площадке.

Тела не было. На его месте сидел горбатый пятнистый гриф в белом шелковом покрывале, и клюв его раздирала сардоническая ухмылка. Шируйе вжался в перила и с ужасом глядел, как хихикающая птица встает на человеческие пятипалые лапы со вздувшимися синими венами у колена, и голова ее в зеленом тюрбане нависает над трясущимся испуганным человеком.

И когда понял Шируйе, что человек этот – он сам, то короткий хрип расплескал гранатовый сок ночи, и рыжебородый вор, ломая перила, рухнул на мягкую землю у одной из

опор. Тихо было наверху, и умерший парс по-прежнему лежал у своего края без поручней, и коренастые силуэты охраняли покой Башни Молчания. Что было – и было ли что-то?

Человек в широкой длиннополой рясе приблизился к неудачливому кладбищенскому вору. Нет, не падение с площадки помогло бедному Шируйе стать наконец на вожделенное довольствие Аллаха, да пребудет он во веки веков! – еще там, наверху, тяжестью тела своего ломая сухое ограждение, был он мертв, и сердце его сжала цепкая ледяная ладонь.

– Для зрелого мужа добыча – лишь сердце человека, и нет в добыче той пайщиков, – пробормотал стоящий и быстро зашагал прочь; слишком быстро для сутулой старческой фигуры, немощной на вид, и длинных седых волос, выбивавшихся из-под капюшона.

А забытый перстень с вишневым скалящимся взглядом остался лежать в сырости шуршащей травы. Завтра его подберут. Ни к чему хорошей вещи пропадать зря. Совершенно ни к чему.

Возможно, все было именно так. Или иначе. Или так, но не совсем. Возможно...

Но когда через годы Якобу Генуэзо снилась Книга Небытия и он до рези под веками всматривался в темную смерть неудачливого воришки Шируйе – Якоб не мог рассмотреть цвет халата убитого, не запоминал высоту опор Башни Молчания, но багровый камень перстня неизменно улыбался

сквозь завесу лет.

Тот же камень грустно улыбнется с руки постаревшего лекаря Якоба, когда беспокойный ручей его жизни вольется в свое время в океан неведомого. Но об этом – потом. И не здесь. Возможно...

2

*Едва ли не большие,
Чем в самых высоких горах,
Для сердца сокрыто
Вечных истин и откровений
В толчее городского базара...*
Кагава Кагэки

Всклокоченный порывистый сирокко метался над при- тихшими улицами, стряхивая с веток кричащих птиц, закру- чивая пылевые воронки; никак не удавалось бешеному вет- ру сдвинуть с места упрямую косматую тучу, зависшую над малой площадью Ош-Ханак и с любопытством оглядывав- шую столпившихся людей. Наконец ветер устал. Отдуваясь, он присел на покатую крышу ближайшего дома, и в насту- пившей тишине отчетливо прозвучали слова пришлого про- поведника в клетчатом покрывале шейха, схваченном на лбу простым металлическим обручем.

– Да услышат слышащие меня: если в душу закрался гнев – демоны безрассудства овладеют ей. Если в душу закралась тревога – демоны отчаяния овладеют душой. Если же похоть войдет в душу – демоны распутства войдут следом. Где есть любовь – там есть и ненависть, где есть боль – там есть страх. Откажитесь от страстей, братья мои, откажитесь от чувств, и уподобится человек невинному младенцу – действующему,

не зная зачем, идущему, не зная куда; телом подобен вкусивший истины сохлому дереву, а сердцем – остывшему пеплу...

У босых ног шейха на корточках сидели его ученики – трое мужчин и девушка, с бесстрастными лицами древних идолов. Ничего не отражалось в их тусклом взгляде, и неподвижность сидящих была сродни неподвижности статуй.

Якоб Генуэзо протолкался сквозь ряды любопытствующих зевак и стал разглядывать пришельцев.

Не в первый раз жизнь сталкивала молодого лекаря с последователями секты Великого Отсутствия. Удивительное дело – многие считали их своими, люди Торы и Евангелия, адепты Будды и Магомета наперебой повторяли звучные кованые строки о вреде страстей и истинном сердце, но мало добровольцев рисковало навсегда покинуть грешный, но такой привычный мир и удалиться в горные урочища Отсутствующих, где аскетизм доводился до степени, граничащей с самоубийством.

«Сильное истощение, – машинально определил Якоб, глядя на худые, перевитые венами руки шейха, воздетые к темному предгрозовому небу. – Сильное, но на контроле... Так можно тянуть до глубокой старости. Собственно, он и не молод... Интересно, зачем они явились в Город? Неужели надеются на неофитов?! Конечно, сказано «идите на улицы и базары», но нельзя же все понимать буквально...»

Толпа качнулась, и потерявшего равновесие Якоба прида-

вили к жирному резнику из соседнего квартала, благоухавшему дешевым мускусом и парной бараниной. Брезгливый лекарь предпринял попытку отодвинуться от жаркого бока мясника – и увидел причину давки.

К проповеднику, расталкивая сторонящихся горожан, двигались айяры Звездного Пса, владыки спокойствия, начальника ночной стражи; и потные лица их лоснились от предвкушения грядущего удовольствия. То ли пришлый шейх забыл в экстазе передать кому положено необходимый хабар, то ли опасная сладость кипрского вина ранее срока ударила в бритые лбы под кожаными шлемами – но вышедший вперед усатый айяр с кривым ножом десятника и не менее кривыми ногами кочевника явно не отличался веротерпимостью.

– Эй ты, незаконный сын хрюкающего, – стражник подкрутил усы, гордясь уставным остроумием. – С каких пор плешивые евнухи, прикусившие палец изумления зубами глупости, осмеливаются распахивать нужник своего рта без должного на то позволения?!

– Когда в человеке сидит шайтан, – холодно ответил шейх, – он изредка высовывает наружу хвост. Без должного на то позволения. Взгляни на язык свой, порицающий меня, – не увидишь ли ты кисточки на его безволосом конце?..

Толпа опасливо затаила дыхание. Багровый айяр направился через площадь, сбывчившись под спокойным взглядом проповедника, на дне которого сворачивалось в клубок неве-

домое. Когда десятник, засунув большие пальцы рук за широкий шелковый кушак, поравнялся с недвижимыми учениками – девушка молча встала и заступила ему дорогу.

– Прочь, распутница! – Тыльная сторона короткопалой ладони, поросшая жестким бурым волосом, наискось хлестнула девушку по щеке. Она пошатнулась и осела на сухую глину; кровь потекла из разбитого рта, придавая так и не изменившемуся лицу вид странной, праздничной маски.

Айяр повернулся – на его пути уже стоял следующий из секты Великого Отсутствия. Хищно ощерившись, стражник присел на расставленных плотных ногах, и синий нож полоснул руку дерзкого.

Ничего не произошло. Вставший на пути, высокий мужчина неопределенного возраста, не шелохнулся. Дикая свирепая ярость исказила черты десятника, выступающие скулы отвердели, и нож умело запорхал вокруг застывшего человека, окрашивая пурпуром серую запыленную одежду.

Шейх не повернул головы. Набрякшие веки опустились, и суровое лицо глядело поверх собравшихся, в дальний угол площади; замерший в жутком оцепенении Якоб хотел было повернуться к неизвестному, заинтересовавшему проповедника больше боли и позора учеников, – и не смог. Тело отказалось повиноваться.

Разгулявшийся айяр внезапно отпрыгнул от окровавленной жертвы, и в тигрином изгибе его спины промелькнула неуверенность. Он качнулся, сделал два шага назад и оста-

новился, вжимая шею в массивные плечи.

Казалось, он внезапно забыл, где он и что с ним.

– Вот ты где... – хрипло пробормотал десятник, уставясь в пустоту перед собой и напряженно обходя по кругу нечто, невидимое зрителям, но хорошо знакомое ему самому. – Ты осмелился прийти за мной днем... Ну что ж, надолго запомнит ад Али-Зибак из Тарса...

«Он сошел с ума!» – отчетливо прозвучало в мозгу у Якоба, и в этот момент нависшая туча обрушила на Город искрящийся водопад; и безумный айяр издал боевой клич, рассекая ножом пелену дождя.

Собравшиеся в тот день на малой площади Ош-Ханак часто задумывались потом: рассказывать ли им о случившемся, или лучше будет покрыть кобылу болтливости жеребцом благоразумия.

На площади живой кричащий человек бился с бесплотным призраком, с воздухом, с водой, рубя клинком брызжащее марево, взвизгивая и зажимая ладонью несуществующие раны. Айяр храпел загнанным животным, голова в кожаном шлеме моталась из стороны в сторону; наконец он припал на колено, острый нож трижды разрезал мокрый воздух, и слабеющие ноги не удержали грузное тело.

Упали последние капли. Молчащий шейх по-прежнему не отрывал взгляда от дальнего угла площади, и Якоб наконец нашел в себе силы повернуться. Шейх пристально всматривался в доминиканского священника фра Лоренцо из порту-

гальской миссии, а подавшийся вперед священник впился в упавшего стражника остановившимся взглядом из-под грубого полотна капюшона, и плечи его дрожали от напряжения...

Якоба сильно толкнули в грудь.

– Ты лекарь? – гнусаво каркнул один из друзей лежащего десятника. – Проверь...

Якоб склонился над айяром и прижал пальцы к колючей толстой шее. Пульса не было. Зрачки умершего расширились, и в них стоял – страх.

Страх.

Рядом в пыли, мокрой и липкой после дождя, валялся узкий перстень с багровым, как лицо айяра, камнем – видимо, потерянный мертвым. Не сознавая, что он делает, Якоб незаметно накрыл перстень ладонью и сунул за пояс своей шерстяной джуббы.

У бронзовой двери в зал государственной канцелярии Якобу пришлось остановиться. Перед лекарем стоял безбровый гигант в туго подпоясанном халате, уже начавший оплывать, но пока сохранивший внушительность форм. Его руки умело скользнули по телу Якоба, и вороненый дамасский кинжал, служивший при необходимости ланцетом, перекочевал за пазуху дорогой, шитой мелким бисером одежды обыскивающего.

Гиганта звали Лала-Селах, и он был евнух.

Три года назад уединение благословенного эмира Ад-Даула в благоуханных женских покоях бесстыдно нарушили молодые горячие вельможи, справедливо полагавшие, что хорошему нет предела, и настойчиво заверявшие царственную особу в необходимости смены власти. Наместник Аллаха стал возражать против их острых и блестящих доводов, а поскольку в жилах эмира текла неуступчивая кровь лихих тюркских наездников, вскипевшая под звездами очей насмерть перепуганной красавицы, – беседа несколько затянулась, и в покоях Сплетающихся Орхидей появилось новое действующее лицо. Им оказался барлас дворцовой охраны германец Свенельд, плохо понимающий звучный фарси, зато хорошо понимающий язык стали. Тяжелый топор германца оказался столь весомым аргументом в споре, что отделав-

шийся легким испугом эмир долго взвешивал после на весах справедливости подвиг бесстрашного Свенельда и его же нитягчайшее прегрешение. Дело в том, что в перерывах между взмахами топора барласу довелось лицезреть обнаженные прелести любимейшей из многочисленных жен правителя – что само по себе приравнилось к попытке переворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.